

Александр Волконский

**От Новаго Маргелана до
границы Бухары**

Александр Волконский

**От Новаго Маргелана
до границы Бухары**

«Public Domain»

1894

Волконский А. М.

От Новаго Маргелана до границы Бухары /
А. М. Волконский — «Public Domain», 1894

«Осенью прошлого, 1893, года, нашим правительством была отправлена в пределы бухарского ханства, под начальством генерального штаба генерал-майора Баева, таможенная экспедиция; она имела главным назначением изучить на месте условия перенесения существующей туркестанской таможенной линии на бухарско-афганскую границу. Экспедиция прошла по всей бухарской территории от восточных её пределов у Памирского плоскогорья до границы Закаспийской области на западе...»

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александр Волконский

От нового Маргелана до границы Бухары

Путевые заметки

Осенью прошлого, 1893, года, нашим правительством была отправлена в пределы бухарского ханства, под начальством генерального штаба генерал-майора Баева, таможенная экспедиция; она имела главным назначением изучить на месте условия перенесения существующей туркестанской таможенной линии на бухарско-афганскую границу. Экспедиция прошла по всей бухарской территории от восточных её пределов у Памирского плоскогорья до границы Закаспийской области на западе.

Я имел разрешение сопровождать экспедицию в качестве частного лица. Поспешность, с которой был пройден этот длинный путь, а главным образом, незнание восточных языков, помешали мне собрать достаточно подробные сведения о пройденных экспедицией странах; поэтому ряд статей, задуманных мною на основании дневника, веденного во время пути, не может претендовать на какое-либо научное значение, и полагаю, что только отдаленность посещенных местностей и малое знакомство с ними большинства публики дают мне некоторое право предложить вниманию читателя результаты своих дорожных впечатлений. На этот раз я ограничусь описанием первых дней пути – в пределах Ферганской области.

I

5-го августа, в 9 часов утра, все участники экспедиции собрались в гостеприимном доме управляющего ферганским таможенным отделом. Был отслужен напутственный молебен, и через час, после веселого завтрака, на котором было произнесено не мало тостов с пожеланиями путникам счастливого странствования на дальней чужбине и радостного возвращения в родные пределы, – экспедиция выступила. Она снаряжалась в Маргелане, в пределах недавнего кокандского ханства, – где еще 20 лет назад каждый непрошенный гость-европеец рисковал покончить свои дни на виселице, среди злорадных криков базарной толпы, – и направлялась в малоизвестные доньне края мусульманского востока. Мысль о выступлении подобной экспедиции должна вызвать в представлении читателя, никогда не переступавшего европейской границы и не интересовавшегося нашей азиатской окраиной, картину довольно воинственного характера.

Такой читатель вероятно увидит в своем воображении пыльную городскую площадь, лежащее посреди неё стадо только-что навьюченных верблюдов, поднимаемое криками погонщиков и вытягивающееся длинной вереницей в простор степной дороги; увидит в необыкновенных походных одеждах горсть вооруженных с ног до головы храбрецов, отважно пускающихся в опасный путь, и отряд казаков, долженствующих оберегать их от злобы фанатической толпы; а если читателю к тому же приходилось слышать рассказы иных из наших среднеазиатских исследователей, то он, конечно, будет ожидать, что величайшие из предстоящих экспедиции трудов и опасностей выпали непременно на долю самого автора и что стойкостью в лишениях, способностью импонировать диким племенам и вообще всякими доблестными качествами он превзошел и спутников, и всех своих предшественников. В действительности ничего подобного не было.

Мы разместились самым мирным образом в парных, с пристяжкой на отлете, извозчицких колясках, которым могла бы позавидовать далекая столица, и направились по красивым улицам Нового-Маргелана, одного из тех юных туркестанских городов, которые, как бы по волшебному слову, выросли по воле русской власти среди пустынной степи, растянули на её просторе сеть своих прямых, как стрела, улиц-аллей и потонули в зелени своих быстроростущих садов. Коляски неслышно катились по гладкому шоссе, и скоро высокие тополя по сторонам улицы, почти скрывавшие своими ветвями от глаз проезжого ряды нисеньких одноэтажных домов, сменились молодыми посадками, дававшими просвет на вновь строящиеся в конце города здания. Миновав крепость – так зовется в Маргелане кирпичная белая стена, охватывающая неправильным четырехугольником несколько казарменных строений, – мы переправились через Маргелан-сай, воды которого дают жизнь городу, и выехали на простор.

Не весело смотрела эта южная окраина «роскошной» Ферганы: небольшие площади полей спеющей джугары¹, окаймленные кое-где рядами редко посаженных деревьев, чередовались то с пространствами желтой, почти голой, земли, то с полосами яркой зелени рисовых посевов, слегка оживляющих однообразный пейзаж. Это была обычная, в течение двухнедельного пребывания в крае, уже успевшая мне приглядеться, картина туркестанского оазиса на его пограничной с пустыней полосе, где каждая пядь культурной земли из поколения в поколение оспаривается человеком у пустыни в тяжелой, настойчивой борьбе, где каждая капля влаги на жаждущие поля проведена из далека его руками. Правда, напоенная им земля, как бы в благодарность, воздает ему сторицей за его неустанный труд; но стоит человеку хоть на один год оставить без защиты родные поля, и пустыня вновь овладеет ими: вода уже не дойдет до них, насаженные деревья засохнут, исчезнут, и жизнь покинет эти

---

¹ Род кукурузы.

места. Голодная степь с её невозмутимым, ничем не нарушаемым однообразием гладкой, как стол, поверхности, с её молчаливым простором, включит их в свои широкия объятя, и заброшенный в этот безграничный простор путник не найдет в нем ни единого предмета, на котором бы ему остановить свой блуждающий взор, ни единого дерева, ни туманного очертания холма на далеком горизонте, ни малейшего намека на жизнь. Только однажды в год оживает степь, когда ранние весенние дожди покрывают ее зеленым ковром, – но лишь на самое короткое время. Скоро солнце заставит поблекнуть траву, она пожелтеет, потом травы, потеряв всякий цвет, как бы поседеют, и степь, точно безграничная бледная нива овсяного поля, охватит в разгаре лета со всех сторон одинокого путника, сливаясь на едва уловимой черте горизонта с таким же бледным и бесцветным, как она, небом. Случается, что какой-нибудь арбакеш², пробираясь со своей арбой через степь, вздумает развести огонь; ветер быстро подхватит его, и тогда картина степи меняется: длинная лента яркого пламени, медленно, шаг за шагом, но беспрепятственно, двигаясь вперед дымящейся полосой, охватит десятки верст, испепелит жесткия сухия травы и оставит там, где прошла, черное обугленное пространство: удивленному путнику, впервые приближающемуся к нему, покажется, будто перед ним расстилается широкая пашня благодатного чернозема... Как ни безотрадно впечатление, производимое степью, поглотившей прежний оазис, путнику все же остается в утешение надежда, что когда-нибудь, – быть может, через полсотни лет, – человек во всеоружии знания вновь вступит с нею в борьбу, прорежет ее глубокими каналами, проведет по ним или силою пара перельет в пустыню мутные воды далекой Сыр-Дарьи, и жизнь возродится в новых полях с небывалою силой.

Но у покинутого человеком оазиса есть иной, более страшный враг, пред которым безвластны другие силы природы, и который никогда не вернет раз отвоеванной им территории: это сыпучий песок, насылаемый пустыней в оазис вслед уходящему человеку. Пески засыпают пересохшие арыки³; глинобитные стены домов и заборов опустевшего кишлака⁴, стволы погибших деревьев бесследно исчезают под ними, не удержав их наступления, послужив лишь основанием для высоких барханов⁵. Точно искусная рука насыпала эти барханы: так гладок их подветренный отлогий склон, такой правильной дугой загнуты его серповидные края. Но песок в пустыне неисчерпаем, и ветер, нанося песчинку за песчинкой, надвигает его волны все дальше и дальше; число дюн и барханов множится; они теряют свои геометрические формы, и наконец целое море песчаных холмов, точно застывшие волны бурного океана, покрывает пространство в десятки и сотни верст. Это море страшно. Оно залегает между населенных стран, делить народы и отдаляет время выполнения мирового закона их сближения. Проходит много веков прежде, чем всеильное побуждение торговли вынудит человека повести через пески караваны, заставит его вырыть среди них колодцы. Нужно эгоистическое чувство наживы, чтобы человек рискнул в них войти.

Только один человек прошел чрез них, не желая никакой выгоды, не ожидая никакой награды: это был русский солдат за год до того, быть может, покинувший леса далекой Перми или бессарабские степи, чтобы вступить в ряды войск Кавказа, имя которого знал лишь смутно по наслышке. Его повезли по Каспийскому морю, о существовании которого он я не ведал, высадили на азиатском берегу среди голых, бесприветных песков и повели через эти пески туда, где его ждал неведомый ему, готовый биться на смерть враг. И он пошел: ноги вязли в горячем песке, солнце жгло, трескались иссохшие губы... Колодцы были засыпаны; он падал в изнеможении, подымался и шел дальше; куда? – он этого не знал. Он не

² Арбакеш – погонщик арб.

³ Арык – оросительная канава.

⁴ Кишлак – селение.

⁵ Бархан – песчаные холмы, суб-аэральное образования, в отличие от дюн, результата действия воды и ветра.

знал, что, пройдя пески, найдет опять русскую землю; что за этим ближайшим врагом, в баснословном индийском царстве, есть другой, более сильный враг, значение которого дает оправдание и смысл его геройским трудам: он знал только, что его послало вперед царское слово. Это слово прошло через много уст прежде, чем дошло до него, разошлось между многими тысячами ему подобных солдат, но каждый уразумел его ясно, точно оно было сказано прямо ему: оно разожгло в нем бессознательно тлившееся чувство любви к родным заветам и стране; перед этим пламенем казались ему бессильны жгучие лучи солнца, раскалявшие песок; этой царской волей билось сердце под белой рубахой; может ли он исполнить ее? – об этом нет ни минуты раздумья, – и он идет вперед, бесповоротно, бесстрашно, со всей неудержимой силой, не ведающей себе преграды всепобедной, стихийной мощи...

Страшны пески пустыни, и кто раз их видел, хотя бы из окон вагона, кто хотя раз испытал на себе тягостное, гнетущее впечатление, производимое ими, тот уже не забудет их и поймет цену труду борющегося с ним человека. Кто, привыкнув в странах более счастливой Европы, впервые увидел голодные степи Средней Азии, тот сразу проникается каким-то своеобразным чувством уважения к каждой струе воды, проведенной руками человека, в каждому проявлению листвы на посаженном им дереве.

Таково, по крайней мере, было впечатление, произведенное на меня природой туркестанского края даже в той Фергане, которую я представлял себе, судя по красноречивым описаниям, райской долиной, покрытой непрерывным садом. Я ехал теперь по этой долине и с уважением глядел на арыки (канавы), несущие воду в сплошь залитое поле, и на работающего близь дороги сарта, который, подставив солнечным лучам оголенную спину, загоревшую до цвета античной бронзы, высоко поднимал над головой кетмень⁶ и с размаху опускал его на землю, сильным ударом разрыхляя твердую почву...

Коляска остановилась; на встречу двигалось густое облако пыли: из кишлака, к которому мы подъехали, гнали стадо курдючных баранов. Раскачивая свои жирные спины, они обходили по сторонам экипажа, протискиваясь между ним и высокими глиняными заборами (дувалами), которые огораживали дорогу. Стадо прошло; мы въехали в кишлак; его улицы узки и кривы; сложенные из глины сакли, лишенные со стороны улицы окон, так низки, что до плоских крыш человек высокого роста мог бы достать рукой. Перед одним из таких примитивных строений, немного получше других, тянулся навес из циновок, поддерживаемый рядом жиденьких столбов: это был «чай-хане» – чайный дом, любимое место для сборищ праздных или отдыхающих жителей; они и теперь сидели здесь на широких глиняных площадках (айваны), покрытых войлоком, и, поджав ноги, попивали «кок-чай» из зеленых чашечек без ручек. Они одеты в пестрые, ярких цветов, хотя и поношенные халаты, сшитые или из материй местного производства, с красными, белыми и зелеными полосами, или из московских ситцев, разнообразных рисунков, приноровленных к здешнему вкусу; одни живописно обмотали себе голову чалмой; большинство сидит в вышитых шолком шапочках, покрывающих макушки бритых голов. Выражение их узбекских лиц, между которыми иногда попадает резко очерченный арийский профиль таджика, полно уныния и скучно. Некоторые, при виде начальства, нехотя встают и, сложив руки на животе, сгибают спину, не наклоняя, однако, головы, а продолжая глядеть вам в глаза; есть что-то отталкивающее в этом уродливом поклоне (кулдук), в котором так и сквозит восточное низкопоклонство.

Толпа босоногих ребятишек бежит за коляской; у этих еще незаметно ни обычного спокойствия, ни апатичности их отцов; это все бойкий народ, с оживленными лицами, с быстрыми темнокакими глазами. Они гонятся за экипажем, весело крича какие-то, вероятно, нелестные на наш счет замечания, и, запыхавшись, останавливаются среди пыльной дороги; на смену им из каждой сакли, из каждого переулка выбегают другие; иные же стоят

⁶ Железная лопата, имеющая форму лома, приделанной к рукоятке под прямым углом.

неподвижно на пороге покривившихся дверок и пристальным взглядом следят за проезжающими, сдвинув вдумчивую не по годам складку на высоком лбу. Еще несколько поворотов между дуванов, несколько дворов, осененных широковетвистыми карагачами – и мы опять среди полей.

Не знаю, – желание ли найти что-либо необычайное, когда заехал вдаль от родины, или контраст ферганских оазисов с окружающими пустынями, – но что-то заставляет всех путешественников воспевать красоту этой долины, точно они сговорились повторять слова древних азиатских писателей. В устах этих последних понятны восторги по поводу оазиса, где местами можно позабыть соседняя пустыни; к тому же в те далекия времена высыхание туркестанской низменности подвинулось еще не так далеко, как ныне; в ней встречались еще «туранги», естественно растущие леса. Они, эти азиаты, лучшего не знали; но для нас, выдавших ласковую улыбку природы среди долин Апеннинских холмов, дышавших задумчивой негой малороссийского вечера, видевших, с какой свободной мощью раскинули свою листву столетние дубовые леса Подола; для нас, посетивших берега Крыма, где радостная песнь просится на встречу лучам ласкающего солнца, – как-то странно восторгаться красотой «благодатной» долины Ферганы. Здесь солнце жжет и томит человека, убивает его волю, сковывает ум; здесь летний дождь никогда не омывает потускневшей от пыли листвы и, глядя на здешние деревья, чувствуешь, что им чего-то недостает до полноты жизни, как тем далеким их собратьям, что выросли среди каменных стен европейских столиц. Здесь дерево растет только потому, что по его корням бежит вода в искусственно прорытой канаве; но под его тенью, в двух шагах от этой канавки, нет ни единой травки и желтая земля гола как в пустыне. Оценить богатство этого края можно, сделав анализ его почвы, подведя итог пудам хлопка, вывозимым каждую осень непрерывно идущими друг за другом караванами; но для глаза путешественника тут нет ничего отрадного, нет ничего, кроме лёссовых, щебневых или песчаных пустынь, от времени до времени прерываемых на 10–20 верст оазисами, созданными трудолюбием человека...

...А солнце тем временем безжалостно жгло; из-под копыт лошадей подымались облака пыли, мельчайшей, едкой – настоящей туркестанской пыли, которая стояла в воздухе, мешала дыханию и застилала природу серой пеленой... Все это мало располагало к разговорчивости, и после оживленности утренних сборов мои спутники ехали молча, жмурясь от пыли и яркого солнечного света, и думали каждый свою думу.

И я задумался; я думал о предстоящем пути: путь был дальний...

Впереди на горизонте смутно рисовались очертания гор: это был Алайский хребет, южная грань Ферганской долины. Перевалив чрез него, нам предстояло вступить по долине Алая в гористые страны восточной Бухары – в горные бекства Каратегина и Дарваза и, прорезав в их пределах с севера за юг снежную цепь Петра Великого и скалистый Дарвазский хребет, постепенно спуститься, идя на запад чрез Бальджуан и Куляб, в низменности среднего течения Аму-Дарьи. До двух тысяч верст надо было пройти верхом в течение менее двух месяцев...

Снежные вьюги на заоблачных высотах едва проходимых перевалов, тропические жары степных берегов среднего Оксуса, карнизы в две ладони шириною, извивающиеся над бездонной пропастью, смертоносные кулябские лихорадки, гнездящиеся в городах, окруженных искусственными болотами рисовых полей, – вот те опасности, которые, по слухам, на ряду с другими лишениями предстояло нам испытать и изведать. Так, по крайней мере, рассказывали мне мои новые туркестанские знакомые, доверчиво относившиеся к стоустой молве и потому не жалевшие ярких красок при описании трудностей ожидавшего нас пути. Я припоминал эти рассказы, и, признаюсь, мне под час становилось жутко, особенно при мысли о головокружениях, которые овладевают человеком на карнизе скалы и от которых, как от морской болезни в бурю, человека не может избавить никакая сила воли. Упасть с

обрыва или со стыдом вернуться назад, опираясь на руку спутника, – вот между чем придется, думал я, выбирать тому из нас, кто испытает на себе притягательную силу пропасти...

Но тут же невольно рождалось сомнение в справедливости подобных рассказов, не о безлюдных пустынях, а про края, хотя и дикие на наш европейский взгляд, все же населенные в продолжение многих веков. Действительно ли нужно обладать исключительной силой воли и энергией великих путешественников, чтобы пройти эти места, или для этого достаточно той свойственной всем смертным доли храбрости, которая оказывается же достаточной для безвестного жителя дарвавского кишлака, когда он пробирается из своей сакли к крохотному, уютящемуся под навесом скалы, клеверному полю; или когда он идет в соседний горный кишлак, чтобы поведать другу свое семейное горе или свою несложную радость? Вот вопрос, который я задавал себе и на который собирался ответить, когда, на основании собственного опыта, признаю возможным относиться к слухам, ходящим об этих местах, с большей или меньшей доверчивостью.

После трехчасового пути, спустившись в небольшой овраг, мы очутились на улице расположенного по его склону кишлака Уч-Кургана, лежащего в 32 верстах от новой столицы Ферганы; на дне оврага текла река. Здесь прекращается колесный путь, и мы предполагали, распростившись надолго с европейскими экипажами, сделать короткий привал, чтобы наскоро пообедать и продолжать путь уже верхом. Но ни вещи наши, ни верховые лошади не успели еще придти: мы их оставили за собой, обогнав обоз на полдороге. «Уж как вы ни хлопчите, – говорили нам в Маргелане бывалые люди, – как ни подготовляйтесь, а в первый день у вас непременно будет суета и беспорядок». Предсказание их сбылось. Накануне было решено отправить лошадей и арбы с вещами рано утром, но к утру оказалось, что не все вещи своевременно уложены; арбы сильно запоздали выступлением, и в результате мы теперь сидели в саду учь-курганского аксакала (волостного), нетерпеливо поджидая обоз, и были принуждены вместо обеда ограничиться чаем, который был нам приготовлен хозяином под цевью бухарской палатки. Последнее обстоятельство, кажется, особенно дурно повлияло на всеобщее настроение, так как до ночевки, назначенной на Исфайрамском таможенном посту, оставалось еще целых 25 верст.

Наконец обоз прибыл. Я вышел на улицу. Тут происходила невообразимая суета: арбы, вьючные и верховые лошади, извозчицы коляски – все это столпилось у спуска в мосту чрез бежавшую по оврагу реку, мешая друг другу двинуться вперед; джигиты и арбакешы, толкаясь и бранясь между собою, суетились среди них; кругом стояли жители кишлака, пришедшие поглазеть на редкое зрелище (томаша), которое представлял для них проезд стольких русских тюра (господ). Какой-то сарт, дотоле спокойно глядевший вместе с другими, неожиданно вмешался в споры погонщиков: он почему-то нашел, что один из арбакешей, тянувший под уздцы свою лошаденку, заставлял ее повернуть арбу не в ту сторону, куда следовало, и с гневным лицом, с сверкающими глазами, он налетел на него, бранясь и крича, как будто это было важное, близкое ему дело. Остальные жители не могли устоять перед соблазном принять участие в спорах и увеличить беспорядок: поднялся гвалт, тот невероятный гвалт, на который способны одни только азиаты, с их крикливыми голосами, с их неудержимой потребностью от времени до времени, без всякой видимой причины, вознаградить себя шумом и гамом за свое обычное восточное спокойствие. Над обрывом реки живописно стоял аксакал, с белой чалмой на голове, одетый в белый, подхваченный зеленым поясом с серебряными бляхами, халат; он, видимо, желал угодить начальству и распорядился, усиленно размахивая руками и тщетно стараясь перекричать остальных. Мало-помалу бесцельный шум унялся; тогда дело пошло успешнее, и арбы двинулись дальше.

Час спустя и мы сели в седло. Нас было 12 человек: генерального штаба генерал-майор Баев, управляющий туркестанским таможенным округом Г. Б. Кайзер, несколько чиновников его ведомства, производитель геодезических работ при ташкентской обсерватории под-

полковник З. и еще два офицера, добровольно присоединившиеся в экспедиции, один – художник, другой – пишущий эти строки. Четырнадцать нижних чинов оренбургского казачьего войска составляли конвой экспедиции, скорее для её большей представительности и для услуг её участникам, чем ради охраны от несуществующих врагов; несколько человек конюхов, джигитов и повар дополняли наш небольшой отряд. Через три перехода нас должны были нагнать еще доктор, топограф и генерального штаба капитан Ф., имевший обширную и интересную инструкцию для изучения посещаемых экспедицией стран.

Завернув в один из переулков и выехав из кишлака, мы неожиданно очутились в красивой долине, окаймленной довольно высокими горами. Алайский хребет в маргеланском уезде резко подымается над плоскостью равнины, почти не отделяясь от неё предгорьями, которые в других местностях Ферганы придают его северному склону столь разнообразные очертания. Это обстоятельство уменьшает в уезде площадь пригодной для культуры земли, так как на подобные предгорья в других уездах изливается редкий в Фергане дождь, рождаемый прикосновением сухих северных ветров к холодным вершинам хребта. На таких именно предгорьях, на высоте 4–4½ тысяч фута, обыкновенно располагаются прекрасные «богарные» поля, т.е. поля, орошаемые атмосферными осадками. Лишенное их, население маргеланского уезда вынуждено довольствоваться исключительно посевами на землях искусственного орошения, пределы которых строго ограничены количеством воды, приносимой в долину горными речками. При чрезмерном увлечении хлопковыми плантациями, которое овладело за последние 2–3 года населением Ферганы, большая часть ирригационных земель отведена под хлопок в ущерб хлебным полям. Поэтому цены на пшеницу и ячмень поднялись до такой степени (пшеница 2 р. 20 к. за пуд, ячмень 1 р. 60 к.), что хозяева, теряя при покупке хлеба всю прибыль, получаемую от продажи хлопка, начинают повсеместно раскаиваться в своем увлечении, а лишенному богарных полей маргеланскому уезду нынешней зимою угрожал бы голод, еслиб местная администрация не пришла на помощь населению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.